

И. Е. Суриков

«СОЛОН» ПЛУТАРХА:
НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ*

Как известно, в начале своей научной деятельности С.С. Аверинцев наиболее углубленно занимался проблемами творчества Плутарха. Этой тематике была посвящена его кандидатская диссертация, из которой впоследствии выросла известная книга¹. Немаловажно и то, что в статьях Сергея Сергеевича, публиковавшихся на страницах «Вестника древней истории», речь тоже шла по большей части именно о различных аспектах наследия херонейского биографа.

Поэтому представляется уместным, чтя память безвременно ушедшего из жизни великого русского ученого, рассмотреть в рамках данной небольшой статьи один из «плутарховских» сюжетов. Сразу необходимо оговорить, что мы отнюдь не имеем намерения в каком бы то ни было отношении «конкурировать» с С.С. Аверинцевым, прекрасно сознавая, что на этом исследовательском поле равных ему не было и нет, во всяком случае в отечественной историографии. Статья написана в иной плоскости, с точки зрения не филолога, а историка, и соответственно труд Плутарха будет интересовать нас прежде всего как исторический источник.

Нам хотелось бы привлечь внимание к некоторым аспектам (большого не можем позволить себе в рамках краткой статьи) жизнеописания Солона² – произведения, которое вызывает интерес по целому ряду причин. Во-первых, герой биографии – один из самых замечательных представителей античной цивилиза-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (код проекта 03-06-80066).

¹ Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. М., 1973.

² Эта биография, естественно, входила в состав всех полных изданий Βίοι παρὰ ἑλλήνοι Плутарха. Кроме того, имеется и ее отдельное, относительно недавнее издание: *Plutarco. La vita di Solone* / A cura di M. Manfredini, L. Piccirilli. Roma, 1977. Особенно интересен весьма детальный комментарий к произведению, составленный видным итальянским антиковедом Л. Пиччирилли (с. 107–286). Из недавних работ о биографии Солона см. также *Ruschenbusch E. Plutarchs Solonbiographie* // ZPE. 1994. 100. S. 351–380. Из последних работ о Плутархе в целом см. *Lamberton R. Plutarch*. New Haven, 2001.

ции³, уникальный по силе и яркости, разносторонности и одновременно гармоничности⁴ своей личности: законодатель и мудрец, поэт⁵ и путешественник, воин и дипломат, помимо всего прочего – крупнейшая фигура в среде афинской политической элиты, первый в длинном ряду «отцов-основателей» классической демократии⁶.

Во-вторых, биография Солона занимает, как нам представляется, особое место в плутарховском сборнике сравнительных жизнеописаний. Она находится, если можно так выразиться, на стыке легенды и истории. Поясним свою мысль. Биографии, составляющие Βίοι παράλληλοι, можно достаточно четко разделить на две категории в отношении историчности содержащегося в них материала. С одной стороны, некоторые из них всецело или в основном окрашены в мифологические тона; миф как бы «мимикрирует» под историю. Собственно, именно это говорит в данной связи сам автор: «Я бы хотел, чтобы сказочный вымысел подчинился разуму и принял видимость настоящей истории (λόγῳ τὸ μυθῶδες ὑπακοῦσαι καὶ λαβεῖν ἱστορίας ὄψιν)» (Plut. Thes. 1; перевод С.П. Маркиша). К этой категории относятся жизнеописания Тесея и Ромула⁷, в значительной степени – Ликурга и Нумы, отчасти – Публиколы, Кориолана, Камилла. Тексты такого рода представляют интерес главным образом как источники по формированию соответствующих традиций. Для изучения собственно событийной (в частности политической) истории они мало что дают.

Другая категория включает в себя подавляющее большинство биографий Плутарха. В них рассказывается о лицах вполне историчных (и к тому же весьма известных), чья жизнь и деятельность достаточно детально и достоверно освещена в сочинениях иных античных авторов. И уже в силу этого сведения, сообщаемые Плутархом, – писателем, как-никак, довольно поздним, – неизбежно несут на себе отпечаток некоторой «вторичности». Если ограничиться для примера греческой частью биографического цикла, можно отметить, что Плутарх бесспорно, приводит ряд немаловажных деталей, скажем, о Фемистокле или

³ Интересно, что Плутарх, насколько можно судить, не смог подобрать Солону достойного визави среди римлян. Вообще легко заметить, что плутарховские «пары» отнюдь не равноценны по степени удачности выбора. В одних случаях автор, что называется, «попал в десятку» (Демосфен и Цицерон, Никий и Красс, Деметрий и Антоний), в других же параллель явно не может удовлетворить читателя, выглядит искусственной (Перикл и Фабий Максим, Алкивиад и Кориолан, Аристид и Катон Старший). Неудачно и сопоставление такой яркой личности, какой был Солон, с довольно бледной и невыразительной фигурой Публиколы. Но вряд ли следует винить в этом Плутарха: лучшей альтернативы у него все равно не было. Римская история не имела своего Солона, и в этом, может быть, одна из причин того, что она пошла совершенно иными путями, нежели афинская. Есть мнение, что мысль сравнить Солона именно с Публиколой возникла у Плутарха под влиянием чтения политических трактатов Цицерона (в частности, De leg. II. 58 sqq.); см. *Affortunati M., Scardigli B. Aspects of Plutarch's Life of Publicola // Plutarch and the Historical Tradition. L.-N.Y., 1992. P. 110.*

⁴ О категории гармонии в деятельности Солона см. *Zunino M.L. 'Ομοῦ βίαν τε καὶ δίκην ξυναρμόσας: Solone e la creazione della giustizia // Klio. 2004. 86. 1. P. 5–15.*

⁵ Между прочим, первый по времени афинский поэт (*Knox B.M. Literature // Athens Come of Age: From Solon to Salamis. Princeton, 1978. P. 43.*)

⁶ К общей оценке личности Солона см. *Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 55 слл.* (со ссылками на важнейшую литературу вопроса).

⁷ А также, несомненно, жизнеописание Геракла; оно не дошло до нас, но о его существовании упоминает сам Плутарх (Thes. 29).

Перикле, Алкивиаде или Демосфене. Но в то же время, если представить, что его «Сравнительные жизнеописания» не сохранились бы, пробелы в наших знаниях об этих деятелях были бы, конечно, прискорбными, но не фатальными. Ведь есть труды Геродота, Фукидида, Ксенофонта, речи Демосфена, Эсхина и др.; одним словом, есть широкий спектр ценнейших, современных эпохе источников о политической жизни классической Греции, и без Плутарха ее исследование было бы все-таки возможным⁸.

Но вот с жизнеописанием Солона, повторим, дело обстоит особым образом. История архаических Афин рубежа VII–VI вв. до н.э., основные моменты солоновских реформ – все это освещено в других нарративных памятниках, имеющих в нашем распоряжении (за единственным исключением, о котором будет упомянуто чуть ниже), совершенно неудовлетворительно. Соответственно данные Плутарха получают, без преувеличения, неопределимое значение. Написанная им биография Солона является одной из двух главных сокровищниц информации по этому сюжетом (второй – «Афинская политика» Аристотеля)⁹. Любое изучение судьбоносных для афинского полиса политических и социально-экономических преобразований 594 г. до н.э. возможно ныне только через комбинацию материала этих двух источников. Этим создается как бы «стержень» аутентичных фактов, на который уже можно «наназывать» все прочие сведения.

В-третьих, биография Солона интересна и характерна в том отношении, что в ней очень четко и выпукло предстают основные особенности тех методов анализа, подбора и изложения фактов, которыми руководствовался Плутарх в своей работе¹⁰. Специфика этих методов во многом обусловлена тем, что интересующий нас автор, занимаясь сюжетами вполне историческими, при этом принципиально позиционировал себя не как историк, а как биограф и моралист¹¹. Создается впечатление, что этот добропорядочный любитель спокойной семейной жизни и тихих, пристойных застольных бесед¹², несмотря на все свое непри-

⁸ Нельзя отрицать, что в некоторых случаях Плутарх сохранил для нас более точную или более полную информацию, чем даже великий Фукидид. Это убедительно показано на примере перипетий истории Пентеконтаэтии в кн.: *Badian E. From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia*. Baltimore, 1993. Так, если бы не Плутарх, мы вообще ничего не знали бы о понтийской экспедиции Перикла: Фукидид о ней умалчивает. И все же это именно лишь отдельные частные случаи, можно сказать, исключения, а не норма.

⁹ Строго говоря, есть еще одна биография Солона, принадлежащая перу Диогена Лаэртского (*Diog. Laert. I. 45–67*). Но этот краткий компилятивный очерк, составленный без всякого желания углубиться в сложные солоновские проблемы, изобилующий грубыми фактическими ошибками и ссылками на откровенные фальсификаты, никак нельзя назвать информативным источником.

¹⁰ Об исследовательских методах Плутарха см. *Pelling C.B.R. Plutarch and Thucydides // Plutarch and the Historical Tradition. L.–N.Y., 1992. P. 10–40*.

¹¹ См. по этому поводу в статье С.С. Аверинцева, которая, кажется, стала последней по времени опубликованной из его специальных работ о Плутархе: *Аверинцев С.С. Добрый Плутарх рассказывает о героях, или счастливый брак биографического жанра и моральной философии // Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 2-х томах. 2 изд. Т. 1. М., 1994. С. 637–653*. В целом о специфике античного биографического жанра см. *Dihle A. Zur antiken Biographie // Entretiens sur l'antiquité classique. 1997. 44. P. 119–140*.

¹² Некоторые произведения Плутарха, особенно относящиеся к симпозиальному жанру, как будто вдохновлены известными словами Солона (fr. 3. 9–10 Diehl): *παρούσας εὐφροσύνας κοσμεῖν δαιτὸς ἐν ἡσυχίῃ* (в не совсем точном переводе Г. Церетели: «Отдавая мирной усладе пиров, их в тишине проводить»). О «симпозиальном духе» у Солона см. *Noussia M. Solon's Symposium // CQ. 2001. 51. 2. P. 353–359*.

ятие какого бы то ни было эпатажа, писал некоторые вещи прямо-таки в пику представителям античной исторической науки. Следы осознанной рефлексии Плутарха по поводу своей методологии наиболее наглядно обнаруживаются в известном пассаже, открывающем биографию Александра Македонского: οὐτε γὰρ ἱστορίας γράφομεν, ἀλλὰ βίου (Plut. Alex. 1).

Но если этот пассаж неоднократно анализировался и дискутировался в историографии, то значительно реже обращалось внимание на еще одно очень характерное место, в котором Плутарх пусть имплицитно, но тем не менее с предельной ясностью противопоставляет себя историкам – именно с методологической точки зрения. Это место содержится как раз в жизнеописании Солона (Plut. Sol. 27) и заслуживает того, чтобы процитировать его полностью (в переводе С.И. Соболевского).

Речь идет об одном из самых хрестоматийных эпизодов во всей античной топике – встрече Солона в Сардах с лидийским царем Крезом. Зафиксированная преданием со времен Геродота (I. 29–33)¹³, эта встреча, однако, как прекрасно понимали уже наиболее ответственные древнегреческие ученые, никак не могла иметь места в действительности, по той простой причине, что Крез стал царем спустя долгое время после того, как Солон посетил Лидию¹⁴. Вот что пишет по этому поводу Плутарх: «Что касается свидания Солона с Крезом, то некоторые авторы на основе хронологических соображений считают доказанным, что это вымысел. Однако это предание, как известно, засвидетельствовано столькими лицами и, что еще важнее, так соответствует характеру Солона, так достойно его высокого образа мыслей и мудрости, что я не решаюсь отвергнуть его из-за каких-то “хронологических сводов” (χρονικοῖς τισι λεγομένοις κανόνισιν), которые уже тысячи ученых исправляли, но встречающихся в них противоречий до сих пор не могут согласовать» (курсив наш. – И.С.).

Называя вещи своими именами, перед нами, в сущности, некая апология своеобразного «хронологического нигилизма». Коль скоро конкретные даты всегда остаются предметом дискуссий, а в то же время гораздо важнее поучительность повествования и пресловутое «соответствие характеру» (в античном понимании)¹⁵, это должно оправдывать принципиальное пренебрежение любой скрупулезностью в области хронологии. Такая скрупулезность биографу просто не нужна, идет ли речь о хронологии абсолютной или даже относительной. Вывод для исследователя очевиден: ввиду практикуемого Плутархом сознательно отрывочного характера изложения его жизнеописания редко когда могут быть использованы для сколько-нибудь точного решения дискуссионных хронологических вопросов. В том числе и расстановка описываемых событий в правильной

¹³ Fehling D. Herodotus and his 'Sources'. Leeds, 1989. P. 211; Visser E. Herodots Kroisos-Logos: Rezeptionssteuerung und Geschichtsphilosophie // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 2000. 24. S. 5–28; Bichler R. Herodots Welt. B., 2001. S. 247; Rhodes P.J. Herodotean Chronology Revisited // Herodotus and his World. Oxf., 2003. P. 64.

¹⁴ По поводу всего этого эпизода см. Суриков И.Е. Гостеприимство Креза и афиняне // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 72–79. Мы не исключаем, что афинский мудрец мог встречаться и беседовать с Крезом в бытность последнего наследником престола. Но разговор Солона и царя Креза, как его передают Геродот и вслед за ним другие писатели, заведомо не историчен.

¹⁵ Об этом понимании см. Суриков И.Е. Греческий роман и греческое понимание характера // ПИФК. 2000. 9. С. 22–28.

последовательности, как правило, требует корректив посредством привлечения независимых данных и текстуально-критических соображений.

Вот, в частности, в каком порядке Плутарх описывает важнейшие деяния Солона, имевшие место до его архонтата и реформ: Солон, притворившись сумасшедшим, инициирует возобновление войны с Мегарами за Саламин (Plut. Sol. 8); афинский отряд под командованием будущего законодателя захватывает спорный остров, причем плечом к плечу с Солоном действует Писистрат (ibid. 8–9); принадлежность Саламина выносится на арбитраж Спарты и усилиями Солона афинские притязания получают признание (ibid. 10); Солон выступает в роли советника Дельфийской амфиктионии в ходе Первой Священной войны (ibid. 11); он убеждает Алкмеонидов предстать перед судом, по приговору которого этот род подвергается изгнанию из Аттики (ibid. 12); по приглашению Солона в Афины прибывает критский чудотворец Эпименид для совершения культового очищения полиса и проведения преобразований в сфере религиозной жизни (ibid. 12); в Аттике формируются три региональные группировки (диаκριи, педиеи и паралии), что ведет к обострению политической борьбы (ibid. 13); в обстановке смуты Солон избирают первым архонтом и посредником-примирителем, причем в этот момент приверженцы предлагают ему установить тиранию, от чего мудрец с благородным возмущением отказывается (ibid. 14).

Перед нами – пестрый калейдоскоп фактов, и практически каждый из них, взятый в отдельности, несомненно имел место. Но вот последовательность этих событий, как она предстает у Плутарха, лишь мало в чем соответствует действительности, а в основном являет собой продукт большой путаницы¹⁶. Если начало войны с Мегарами и занятие Саламина датируются временем ок. 600 г. до н.э., то окончание этой войны третейским судом следует относить уже к 560-м годам¹⁷. И Писистрат действовал в качестве полководца на завершающем этапе данного вооруженного конфликта, а не тогда же, когда и сам Солон. Далее, суд над Алкмеонидами состоялся существенно раньше, ок. 615 г. до н.э., и Солон вряд ли был к нему непосредственно причастен¹⁸. С деятельностью законодателя следует связывать, напротив, возвращение Алкмеонидов из изгнания; именно в этом смысле трактуется солоновский закон об амнистии (Plut. Sol. 19)¹⁹. В контексте мер, связанных с амнистией осужденных за религиозные преступления, необходимо рассматривать и миссию Эпименида, которая, кстати, имела место во всяком случае не после Первой Священной

¹⁶ К установлению правильной последовательности см. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 36 слл.

¹⁷ Об этой войне см. Legon R.P. Megara. The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca, 1981. P. 104 ff.; Пальцева Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 247 слл.

¹⁸ В «Афинской политике» Аристотеля – более верная хронологическая перспектива: в ней изгнание Алкмеонидов (Arist. Ath. pol. 1) и деятельность Солона (ibid. 5 sqq.) не ставятся ни в какую связь друг с другом.

¹⁹ Закон несомненно аутентичен. Плутарх не только цитирует его дословно (ὄνομαστος), но и в целом ссылается на него с такой точностью и конкретностью, какая только была возможна, даже указывая – крайне редкий случай в традиции – его номер (8-й закон 13-го аксона). См. по поводу этого закона и его значения для общей оценки достоверности традиции о солоновском кодексе: Ruschenbusch E. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ: Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966. S. 5 ff.

войны²⁰. Возникновение региональных группировок в Аттике – факт уже послесолоновского времени. Педией и паралии появились не ранее 470-х годов до н.э.²¹, диакрии – еще на десятилетие позже²². Наконец, проект тирании Солона относится скорее не к началу, а к концу его архонтата, когда судьба реформ, в краткосрочной перспективе не удовлетворивших большинство граждан, была в опасности, и вставал вопрос о возможности чрезвычайных мер для обеспечения преемственности политической линии²³.

Все сказанное может произвести удручающее впечатление, даже породить серьезные сомнения в ценности плутарховой биографии Солона как источника. Сомнения эти, однако, вряд ли будут оправданными. Действительно, хронология, повторим, далеко не самое сильное место Плутарха. Но у этого автора есть другие многочисленные достоинства. Прежде всего следует назвать в данной связи его колоссальную эрудицию. В распоряжении херонейского биографа находилось огромное количество сочинений – как исторического, так и иных жанров, – написанных в предшествующие века (значительная часть этих сочинений нам уже недоступна), и он активно пользовался находившимся в них богатым материалом (правда, отнюдь не всегда давая корректные ссылки, но делая это все же чаще, чем, например, Диодор).

Говоря конкретно о жизнеописании Солона, следует отметить, что и оно основано на широком спектре источников, в том числе весьма ранних и аутентичных. Так, автор использовал стихотворения самого Солона, прежде всего его большие политические элегии, которые входят в число наиболее информативных текстов, созданных в Греции архаической эпохи²⁴. Собственно, многие из этих стихотворений дошли до нас только потому, что их процитировал Плутарх. Впрочем, иногда он не цитирует стихи дословно, а парафразирует их в прозаической форме. Такого рода парафразы, несомненно, местами скрываются в тексте анализируемой нами биографии, и иногда они обнаруживаются исследователями²⁵. Постоянно задействует Плутарх в качестве источника также и солоновские законы. Конечно, он работал не непосредственно с аксонами, на которых свод первоначально был начертан (по словам самого биографа,

²⁰ Однако совершенно неоправданной представляется гиперкритическая позиция тотального отрицания участия Афин в этой войне (как, например, в работе: *Tausend K. Amphiktyonie und Symmachie: Formen zwischenstaatlichen Beziehungen im archaischen Griechenland*. Stuttgart, 1992. S. 164 ff.).

²¹ Еще в связи с узурпацией Дамасия (582-580 гг. до н.э.) эти группировки никак не упоминаются.

²² Не можем при этом согласиться с мнением, согласно которому никакой группировки диакриев вообще не существовало, что это фикция политической пропаганды V в. до н.э. (*Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity. A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids*, с. 560-510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 99).

²³ В конечном счете эта преемственность была достигнута более легитимным путем: удалось добиться избрания на пост первого архонта на следующий (593/592) год брата Солона – Дропида (об этом архонтате см. *Develin R. Athenian Officials 684-321 B.C.* Cambr., 1989. P. 38), который обеспечил закрепление результатов реформ. Таким образом, необходимость в установлении тиранического режима отпала.

²⁴ Наиболее фундаментальное (и, кстати, последнее по времени) исследование этих элегий: *Mülke Chr. Solons politische Elegien und Iamben* (Fr. 1–13; 32–37 West). Einleitung, Text, Übersetzung, Kommentar. Lpz, 2002.

²⁵ Например: *Колобова К.М. Революция Солона // Ученые записки ЛГУ. № 39. Сер. ист. наук. Вып. 4. Л., 1939. С. 29; Boer W. den. A New Fragment of Solon? // Mnemosyne. 1966. 19. 1. P. 46-47.*

до его времени дошли лишь незначительные фрагменты этих деревянных таблиц, хранившиеся в афинском пританее – Plut. Sol. 25), а в основном с последующими изданиями законов²⁶.

Интересно обратить внимание и на другие источники Плутарха в биографии Солона. Перечень авторов и произведений, на которые он ссылается (пусть даже не все эти произведения он читал сам, а указания на некоторые из них взял «из вторых рук»), впечатляет: комедиограф Кратин (V в. до н.э.), философ Платон, ораторы Эсхин и Демад, аттидограф Андروتсион, Аристотель («Афинская полития» и трактат «Пифионики»), его преемник по руководству Ликеем Феофраст, Деметрий Фалерский, Фаний Эресский – еще один ученик Аристотеля, Гераклид Понтийский, малоизвестные Патек и Еванф Самосский²⁷ (IV в. до н.э.), историки Полизел Родосский, Герей Мегарский, филолог и биограф Гермипп Смирнский (III в. до н.э.), некий писатель эллинистического периода Филокл, грамматики Асклепад Мирлейский, Дидим Александрийский (I в. до н.э.), а также документы (ὑπομνήματα) из Дельф, которые он имел все возможности интенсивно использовать, поскольку занимал пост пожизненного жреца дельфийского храма.

В этом списке особый интерес вызывают, естественно, авторы наиболее ранние и тем самым наиболее близкие к описываемым событиям, иными словами, те, которые датируются временем классики и начала эллинизма. Нетрудно заметить, что среди источников Плутарха они преобладают, и это, кстати, делает честь его научному чутью. Некоторые из этих источников заслуживают того, чтобы остановиться на них чуть поподробнее. Андروتсион, автор одной из самых известных «Аттид»²⁸, известен тем, что придерживался нетрадиционных взглядов на реформы Солона, в частности на знаменитую сисахфию (Androt. FGrHist. 324. F 34): он, отклоняясь в этом вопросе от остальной античной традиции²⁹, считал сисахфию не отменой долгов, а лишь уменьшением процентной ставки

²⁶ Так, у Аристотеля имелось сочинение «Об аксонах Солона» в пяти книгах, представлявшее собой публикацию солоновских законов с подробным комментарием. Этот труд вместе со всей библиотекой Аристотеля–Феофраста более двух веков лежал под спудом в малоазийском Скеписе (Strabo. XIII. 608-609), но в I в. до н.э. был вновь введен в научный оборот и лег в основу всех последующих изданий свода Солона. См. в связи с этим: Ruschenbusch. ΣΟΛΩΝΟΣ ΝΟΜΟΙ... S. 39 ff. Следует отметить еще и тот факт, что уже Аристотель работал, судя по всему, не непосредственно с аксонами, как таковыми, а с каменными стелами, на которые законы были перенесены в ходе рекодификации конца V в. до н.э. (о ней см. Harrison A.R.W. Lawmaking at Athens at the End of the Fifth Century B.C. // JHS. 1955. 75. P. 26–35; Piérart M. Athènes et ses lois: Discours politiques et pratiques institutionnelles // REA. 1987. 89. 1/2. P. 21–37; Carawan E. The Athenian Amnesty and the 'Scrutiny of the Laws' // JHS. 2002. 122. P. 1–23; Whitehead D. Athenian Laws and Lawsuits in the Late Fifth Century B.C. // Museum Helveticum. 2002. 59. 2. P. 71–96). Сами же аксоны к этому времени были в довольно плохом состоянии (Cratin. fr. 274 Kock). Однако при рекодификации уполномоченные лица отнеслись к тексту законов весьма ответственно, стремясь в ходе копирования не изменить в них ни малейшей детали. Как демонстрирует памятник, дошедший до нас от этого мероприятия, – закон Драконта об убийствах (IG. I³. 104) – на стелах сохраняли даже старую разбивку кодекса на аксоны.

²⁷ Строго говоря, сколько-нибудь точное время жизни Патека и Еванфа неизвестно. Но на них ссылается уже Гераклид Понтийский, так что они писали во всяком случае не позже IV в. до н.э.

²⁸ О нем см. наиболее подробно, с изданием всех сохранившихся фрагментов: Harding Ph. Androtion and the Atthis. Oxf., 1994.

²⁹ Idem. Androtion's View of Solon's Seisachtheia // Phoenix. 1974. 28. 1. P. 282–289.

(τόκων μετρίότητι) в совокупности с возвышением ценности денег (ἐλαύξιν-σιν... τοῦ νομισματοῦ τιμῆς)³⁰. Интересно, что Аристотель в «Афинской политике» также активно использовал труды аттидографов и в наибольшей степени – как раз Андротиона³¹. Местами он даже вступал с Андротионом в полемику, однако, подчеркнем, в полемику скрытую, а само имя этого историка вообще не упоминается в трактате об афинском государственном устройстве³².

Далее, привлекают внимание среди источников Плутарха авторы, вышедшие из перипатетической школы и соответственно отличившиеся большой скрупулезностью в сборе и исследовании фактологического материала. Среди них – второй схолярх Ликия Феофраст, который в своем фундаментальном труде «Законы» (Νόμοι)³³ собрал и прокомментировал огромное количество законодательных актов из различных полисов, в том числе, конечно, и кодекс Солона. У Деметрия Фалерского – также перипатетика, подвергшегося как в своей практической деятельности, так и в своих теоретических штудиях определяющему влиянию Аристотеля и Феофраста³⁴, – Плутарх (Sol. 23) заимствует важные сведения о том, что в законах Солона одна драхма приравнивалась к стоимости ов-

³⁰ Вопрос о деньгах в связи с реформами Солона сам по себе непрост. С одной стороны, на сегодняшний день можно считать доказанным, что монета во времена Солона в Афинах еще не чеканилась, а начался ее выпуск никак не раньше времени Писистрата (см. к этому вопросу: *Kraft K.* Zur solonischen Gewichts- und Münzreform // *Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte.* 1969. 19. S. 7–24; *Crawford M.H.* Solon's Alleged Reform of Weights and Measures // *Eirene.* 1972. 10. P. 5–8; *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. Berkeley, 1976. P. 55 ff.; *Kroll J.H.* From Wappenmünzen to Gorgoneia to Owls // *The American Numismatic Society. Museum Notes.* 1981. 26. P. 1–32; *idem.* The Greek Coins (The Athenian Agora. Vol. 26). Princeton, 1993. P. 5; *Welwei K.-W.* Athen: Vom neolithischen Siedlungsplatz zur archaischen Großpolis. Darmstadt, 1992. S. 199; *Reden S. von.* Exchange in Ancient Greece. L., 1995. P. 179–181; *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 BC. L., 1996. P. 222; *Rebuffat F.* La monnaie dans l'antiquité. P., 1996. P. 36–39; *Theodorou J.* Athenian Silver Coins: 6th–3rd Centuries BC. The Current Interpretation // *Μνήμη Martin Jessop Price.* Athens, 1996. P. 53 f.; *Dawson S.* The Athenian Wappenmünzen // *Scholia.* 1999. 8. P. 71–77; *Kim H.S.* Archaic Coinages as Evidence for the Use of Money // *Money and its Uses in the Ancient Greek World.* Oxf., 2001. P. 11). Так что же, информация Андротиона (и, добавим, Аристотеля – Ath. pol. 10. 2) о солоновской денежной реформе представляет собой анахронизм и не заслуживает доверия? Но такое суждение тоже было бы ошибочным. Методологически неверно отождествлять отсутствие чеканной монеты с отсутствием денег, как таковых. До введения чеканки четко фиксируется стадия домашних денег. Роль этих последних могли играть в частности нечеканенные слиточки серебра (ср. *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.–Л., 1951. С. 23; *Kroll J.H., Waggoner N.M.* Dating the Earliest Coins of Athens, Corinth and Aegina // *AJA.* 1984. 88. 3. P. 333; *Furtwängler A.* Neue Beobachtungen zur frühesten Münzprägung // *Schweizerische numismatische Rundschau.* 1986. 65. S. 164; *Ruschenbusch.* Plutarchs Solonbiographie. S. 362; *Kroll J.H.* Silver in Solon's Laws // *Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price.* L., 1998. P. 225–232; *Stanley P.V.* The Economic Reforms of Solon. St. Katharinen, 1999. P. 212), особенно в Аттике, где этот драгоценный металл добывался в значительном по греческим меркам количестве. Такие слиточки имели фиксированный вес и отличались от «настоящих» денег, в сущности, только отсутствием клейма государства.

³¹ *Schreiner J.H.* Aristotle and Perikles: A Study in Historiography. Oslo, 1968. P. 13–20.

³² В «Афинской политике» и в целом, как известно, очень нечасты ссылки на источники. Так, в своем рассказе о Солоне Аристотель ссылается только на его стихи, законы, да еще на одну стихотворную надпись с акрополя.

³³ *Bloch H.* Theophrastus' Nomoi and Aristotle // *Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson.* Camb. (Mass.), 1940. P. 355–376.

³⁴ Этот вопрос освещен в работе: *Williams J.* Ideology and the Constitution of Demetrius of Phaleron // *Polis and Polemos: Essays on Politics, War and History in Ancient Greece on Honor of D. Kagan.* Claremont, 1997. P. 327–346.

цы или медимна зерна, пять драхм – к стоимости быка. Эта информация важна для общих представлений о масштабе цен в Афинах на рубеже VII–VI вв. до н.э. (как видим, эти цены были гораздо ниже, чем в классическую эпоху), а также в контексте разработанной законодателем системы имущественных классов³⁵. Достаточно авторитетным автором признается и еще один ученик Аристотеля – Фаний Эресский (Лесбосский)³⁶, между прочим, земляк Феофраста.

Затронем, наконец, вопрос о том, как подходит Плутарх к своим источникам. При работе с жизнеописанием Солона не может не броситься в глаза характерная особенность: биограф очень любит, разбирая какой-нибудь вопрос, сталкивать друг с другом две противостоящие друг другу трактовки, обнаруживаемые им в предшествующей традиции. При этом чаще всего сам он не делает однозначного выбора в пользу одной из версий, предоставляя такой выбор читателю³⁷. На протяжении довольно небольшого сочинения мы находим целый ряд подобного рода случаев, наиболее характерные из которых здесь перечислим.

Plut. Sol. 1 – вопрос об имени отца Солона: противопоставляется мнение Филокла мнению всех остальных писателей.

Plut. Sol. 4 – вопрос о том, в какой последовательности «семь мудрецов» передавали друг другу выловленный в море треножник: противопоставляется мнение Феофраста мнению не указанных эксплицитно авторов.

Plut. Sol. 8–9 – вопрос о завоевании Солоном Саламина: противопоставляются два мнения без указаний на конкретные источники.

Plut. Sol. 10 – вопрос об аргументах Солона на третьей суде с Мегарами: противопоставляется мнение афинян мнению «многих» (οἱ πολλοί).

Plut. Sol. 10 – вопрос о способе похорон у мегарян: противопоставляется мнение самого Солона мнению мегарского историка Герая.

Plut. Sol. 11 – вопрос о роли Солона в Первой Священной войне: противопоставляется мнение Еванфа Самосского данным оратора Эсхина и дельфийских документов.

Plut. Sol. 14 – вопрос о «пропагандистской кампании» Солона перед его избранием в архонты: противопоставляется мнение Фания Лесбосского сведениям, почерпнутым из стихов самого Солона.

³⁵ В частности, приведенный пассаж значительно подрывает аргументацию Х. Тумансом тезиса, согласно которому незнатные богачи, не имевшие крупной земельной собственности и доходов, оцениваемых непосредственно в медимнах, автоматически оказывались в классе фетов (Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 241 слл). Независимо от историчности самого этого слоя «новых богачей» (обоснованные сомнения по этому поводу см. Osborne. Op. cit. P. 225) заметим: свидетельство Деметрия Фалерского, сохраненное Плутархом, недвусмысленно показывает, что в таких случаях просто проводился элементарный пересчет иных видов доходов на медимны, согласно приведенной шкале. В рамках данной работы мы не затрагиваем вопроса о том, была ли система из четырех имущественных классов всецело изобретением Солона или же законодатель модифицировал ранее существовавший институт (более верным ответом на этот вопрос, бесспорно, представляется второй).

³⁶ О нем см. Mühl M. Solon und der Historiker Phainias von Lesbos // RhM. 1955. 98. 4. S. 349–354. Есть два варианта написания имени этого историка: Фаний (Φάνιης) и Фений (Φαινίης). В книге И.А. Шишовой (Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 107) он почему-то фигурирует как Фанний; такое написание неверно.

³⁷ Ср. Plut. Sol. 19: «Над этим вопросом ты подумай сам (ταῦτα μὲν οὖν καὶ αὐτὸς ἐπισκόπει)».

Plut. Sol. 15 – вопрос о сущности сисафии: противопоставляется мнению Андротиона мнению «большинства» (οἱ πλείστοι).

Plut. Sol. 19 – вопрос о времени учреждения ареопага: противопоставляется мнению «большинства» (οἱ πλείστοι) тексту одного из солоновских законов.

Plut. Sol. 25 – вопрос о соотношении кирб и аксонов: противопоставляется мнению Аристотеля и Кратина мнению «некоторых» (ἑνιοί).

Plut. Sol. 27 – вопрос о встрече Солона с Крезом: противопоставляются два мнения без указаний на конкретные источники.

Plut. Sol. 31 – вопрос об авторстве некоторых законов (Солон или Писистрат): мнения Гераклида Понтийского и Феофраста противопоставлены прочим.

Plut. Sol. 32 – вопрос о времени смерти Солона: противопоставляется мнению Гераклида мнению Фания.

Plut. Sol. 32 – вопрос о месте и способе погребения Солона: мнение Аристотеля противопоставлено соображениям общего характера.

Этот довольно длинный перечень представляется характерным и позволяет, между прочим, правильно определить место Плутарха в античной исторической науке. Дело в том, что практически с самого момента «рождения Клио», уже в V в. до н.э., наметились два противоположных подхода к использованию данных предшествующей традиции. Эти подходы нашли отражение в творчестве двух величайших представителей раннего историописания – Геродота и Фукидида, более того, были ими прямо продекларированы. Вот позиция первого из них: «Мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (Herod. VII. 152). А вот что пишет Фукидид, вне сомнения, в пику своему предшественнику: «Я не считал согласным со своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого» (Thuc. I. 22. 2).

Итак, в первом случае историк считает своим долгом преподнести читательской аудитории всю информацию, которая есть в его распоряжении, во втором же – прибегает к отбору, излагает только те факты и мнения, которые представляются ему, лично ему достоверными. Метод Фукидида обычно считается началом исторической критики³⁸. Пожалуй, что это и так (хотя, наверное, все-таки не лучший способ критики – замалчивание тех взглядов, с которыми автор не согласен). Но в то же время перед нами – начало догматизма в историописании, догматизма, который Геродоту был еще чужд³⁹. Данные соответствующим образом «препарируются» и подаются в таком свете, чтобы не вызвать у читателя и тени сомнения в правильности проводимой историком концепции⁴⁰. А между тем насколько ценнее был бы эпохальный труд Фукидида, если бы в нем, в дополнение к его прочим многочисленным достоинствам, еще и приводились иные точки зрения на спорные вопросы, если бы автор не пытался взять на себя роль высшего арбитра в вопросе о том, «что есть истина»...

³⁸ См., например, его высокую оценку: *Фролов Э.Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 118 слл.

³⁹ Ср. противопоставление Геродота и Фукидида в известной работе: *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. М., 1980. С. 30-31.

⁴⁰ На ряде конкретных примеров это убедительно показано в монографии: *Badian.* Op. cit.

В дальнейшем в античной историографии противоборствовали «геродотовская» и «фукидидовская» линии⁴¹. В частности, «Афинская полития» Аристотеля написана всецело в русле второй из них (не случайно в ней, как и у Фукидида, столь редки ссылки на источники). Плутарх же (и это очень хорошо демонстрирует именно его биография Солона), следуя заветам Геродота, «передает все, что рассказывают», даже если он со многим и не согласен. Херонейский биограф принципиально не догматичен, его стиль проникнут «диалогической» установкой (здесь, между прочим, еще и влияние метода Сократа)⁴², и эта черта – не только одна из самых импонирующих в его творчестве, но еще и одна из особенно коррелирующих с наиболее передовыми ныне методиками исторической науки⁴³. Парадоксальным образом Плутарх оказывается близким и современным нам по своим подходам.

SOLON IN PLUTARCH: SOME PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE SOURCE

I. E. Surikov

Some aspects and problems of Plutarch's historico-biographical method are considered in this article by the example of his «Life of Solon». The author notes that as a biographer Plutarch in some cases made a clear distinction between his methods and those of a historian. Thus, in his work we find an apology of «chronological nihilism», i.e. of fundamental neglect of any kind of exactness in chronology, and of deliberately fragmentary character of the account. Nevertheless, Plutarch's biographies have numerous merits as a historical source. First of all, one must point out his huge erudition. He used intensely the rich material of the preceding Greek historical tradition. Many poems and laws of Solon have survived for us only because they were cited by Plutarch. What is especially important, when analysing problems, Plutarch very often puts side by side two solutions contradicting each other without making any definite choice, and thus leaving it up to the reader. He was not a dogmatist, he tried to «communicate all that people tell», and in this regard he belonged to Herodotus', and not to Thucydides', school of historiography.

⁴¹ *Seidensticker B.* Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. S. 181.

⁴² Эта черта хорошо видна не только в биографиях, написанных Плутархом, но и в трактатах, входящих в состав его «Моралий». Эти трактаты очень часто принимают форму диалога.

⁴³ См. в частности о необходимости для историка «завязать диалог с культурой иного времени»: *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 9.